

5.3. Ориентиры социальной мобильности

Радикальная реорганизация прежней социальной структуры общества и обеспечивающих ее функционирование социальных институтов происходит в России в кратчайшие исторические сроки. Незавершенность и переходность этого процесса с неизбежностью сопровождается критическим состоянием традиционных норм, образцов поведения, ролей, статусов, системы социального контроля в целом, что может быть определено как кризис социальной идентичности.

Наряду с негативными последствиями (утратой общественно значимых ценностей, норм, императивов социальной этики), трансформация содержит в себе и ряд конструктивных моментов, прежде всего, возрастание персоналистских прагматических ценностей, отвечающих общим стратегическим целям модернизации. В этой связи перед социологией встает задача, сформулированная Э. Гидденсом и состоящая в том, чтобы исследовать итоговый баланс между социальным воспроизводством и социальной трансформацией, то есть выявить соотношение между тем, что сохранилось в процессе трансформации и теми социальными формами, которые были созданы в ходе переструктуризации общества. Однако, поскольку процесс трансформации в России еще далек от завершения, речь может идти только о промежуточном балансе.

Социальная трансформация заключается не только в появлении ранее невозможных позиций в системе стратификации: прежде всего, класса крупных и мелких собственников и полярных им слоев «новых бедных» и маргиналов, но и в соответствующей адаптации к вновь возникающим статусно-ролевым позициям, которая предполагает переоценку и перегруппировку оснований как социальной, так и личной идентичности.

Наши исследования дают возможность рассмотреть результаты социальной идентификации, исходя из оценок, данных респондентами своему общественному положению 19,8% опрошенных рассматривают его как низкое; 28,1% как «ниже среднего»; 46,2% как среднее; 4,8% - «выше среднего» и 1,1% как высокое. Обращает на себя внимание существенно более плотная заполненность левой части шкалы - от низкого общественного положению к среднему - в

правой части (выше среднего) шкалы располагаются лишь 6% респондентов.

Данные исследований (С-1-1997) позволяют увидеть влияние социально-демографических факторов идентификации. Прежде всего, оценка социального положения связана с занимаемой должностью - формальным социальным статусом (см. табл. 5.12).

Таблица 5.12. Распределение респондентов с различным социальным статусом по оценке общественного положения (в %)

Оценка общественного положения	Формальный социальный статус				предприниматели
	рабочие	служащие	руководители		
			низшего и среднего звена	высшего звена	
низкое	27,4	17,8	7,6	10,5	6,5
ниже среднего	30,1	32,3	18,2	5,3	19,5
среднее	41,7	45,5	62,1	52,6	52,2
выше среднего	0,8	3,6	12,1	10,5	19,6
высокое	0,0	0,8	0,0	21,1	2,2
Итого	100	100	100	100	100

Таблица показывает, что социальная самоидентификация в принципе не зависит напрямую от формального социального статуса. Конечно, связь имеется и проявляется в том, что практически никто из рабочих и очень малый процент служащих оценили свое социальное положение как выше среднего или высокое, а с повышением формального социального статуса (до руководящих должностей различного уровня) число давших такие оценки своему общественному положению увеличивается. Однако наличие среди руководящих работников значительной доли тех, кто считает свое положение ниже среднего или средним, свидетельствует о несформированности ролевых статусных позиций в современном обществе. Особенно наглядно это видно на примере специально введенного нами в данный

формальный ряд нового достаточно неопределенного статуса «предприниматель»: распределение по оценке своего общественного положения представителей данной социальной группы имеет вид параболической кривой.

Связь социальной идентификации с уровнем образования демонстрирует таблица 5.13.

Таблица 5.13. Распределение респондентов по уровню образования и оценке общественного положения (в %)

Оценка общественного положения	Уровень образования		
	неполное среднее	среднее	высшее
низкое	53,4	22,3	18,4
ниже среднего	25,4	30,4	25,8
среднее	21,2	44,3	46,5
выше среднего	0,0	3,0	6,6
высокое	0,0	0,0	2,7
Итого	100	100	100

Из таблицы видно, что уровень образования заметно влияет на социальную самоидентификацию: с повышением уровня образования повышается и оценка общественного положения. Обращает на себя внимание то, что высшее образование не приводит однозначно к позитивному социальному самочувствию. Как и в предыдущей таблице, большинство респондентов расположились в верхней части таблицы - от низкого к среднему уровню общественного положения.

Теперь рассмотрим тенденции социальной самоидентификации работников различных сфер занятости (см. табл. 5.14).

Приведенные данные свидетельствуют о наличии взаимосвязи социальной самоидентификации и сферы занятости. Служба в армии и работа в милиции концентрирует социальную самооценку в узком спектре: ниже среднего - среднее. Работа в промышленности, как и занятость в сфере науки, образования, здравоохранения дает больший разброс с преобладанием низких оценок социальных позиций. Наиболее социально комфортно ощущают себя занятые в сфере торговли и финансов, а также чиновники - работники управления.

Таблица 5.14. Распределение респондентов по сферам занятости и оценке общественного положения (в %)

Оценка общественного положения	Сфера занятости				
	промышленность	наука, образование здравоохранение	торговля, финансы	армия, милиция	управление
низкое	27,1	13,2	16,1	2,3	4,6
ниже среднего	30,1	29,2	21,3	44,3	20,2
среднее	37,2	51,4	53,4	53,4	58,4
выше среднего	5,6	4,8	6,9	0,0	9,6
высокое	0,0	1,4	2,3	0,0	7,2
Итого	100	100	100	100	100

В таблице 5.15 представлена корреляция статусной самооценки и оценки достигнутого уровня благосостояния.

Таблица 5.15. Распределение респондентов по оценкам материального положения и социального статуса (в %)

Оценка общественного положения	Оценка материального положения				
	низкое	ниже среднего	среднее	выше среднего	высокое
низкое	77,4	45,1	16,9	6,6	0,0
ниже среднего	22,6	35,7	29,2	14,6	0,0
среднее	0,0	18,6	51,8	65,1	43,9
выше среднего	0,0	0,3	1,4	13,9	31,3
высокое	0,0	0,3	0,7	0,0	25,0
Итого	100	100	100	100	100

Заметно, что в целом оценки статуса и материального положения достаточно близки друг к другу. Но при этом имеются и существенные расхождения в них. Прежде всего, это касается респондентов, которые, по их собственному мнению, достигли среднего материального достатка. Их оценка статусной позиции заметно отстает от оценки благосостояния: 17% тех, кто оценил свое материальное положение как среднее, считает свой общественный статус низким и еще почти треть - ниже среднего. При этом половина респондентов данной группы достигла баланса материальной и социальной самоидентификации. В более сглаженном виде отставание статусной позиции от уровня благосостояния характерно и для опрошенных, которые находят свое материальное положение выше среднего - здесь лишь 6% оценивает свой статус как низкий и 14% считают, что он ниже среднего. Как представляется, главной причиной заниженной социальной самооценки является то, что источники дохода, формирующего «достойное» материальное положение, не престижны по меркам, ранее принятым в обществе.

Немаловажное значение имеет проблема соотношения социальной самоидентификации и удовлетворенности достигнутым статусом (см. табл. 5.16).

Таблица S.16. Распределение респондентов по степени удовлетворенности общественным положением и его оценке (в %)

Оценка общественного положения	Удовлетворенность общественным положением					Итого
	полностью удовлетворены	скорее, удовлетворены	скорее, не удовлетворены	совершенно не удовлетворены	затруднились ответить	
низкое	3,1	4,4	24,3	54,9	13,3	100
ниже среднего	2,6	5,9	34,3	46,1	11,0	100
среднее	3,5	21,8	39,9	22,4	12,4	100
выше среднего	21,9	65,6	6,3	0,0	6,3	100
высокое	25,0	62,5	12,5	0,0	0,0	100

Полученная картина свидетельствует о высоких статусных притязаниях респондентов: 80% оценивших свое общественное положение как низкое и ниже среднего не удовлетворены такой статусной позицией, причем большинство из них - «совершенно не удовлетворены». Только пятая часть считающих свою позицию средней удовлетворены таким положением. Частичная или полная удовлетворенность соответствует лишь высоким статусным позициям. Представляется, что сама проблема социальной идентификации и удовлетворенности достигнутым статусом связана с возможностью смены статусной позиции, т. е. с проблемой вертикальной мобильности.

Известно, что фактором социальной стабильности является достаточно интенсивная вертикальная мобильность - один из основных существующих адаптационных механизмов, который примиряет респондентов, имеющих низкий статус, с их позицией и, таким образом, содействует стабилизации и легитимности общества в целом. Когда в социальных системах, переживающих крупные институциональные изменения, традиционные ценностные институты (религия, официальная идеология), прежде выполнявшие адаптирующую функцию, ослаблены, а их место не замещено системой ценностей открытого, ориентированного на достижения общества, - появляется проблема аномии и других социальных дисфункций. Зафиксированное нами у респондентов отставание удовлетворенности статусной позицией от оценки социального положения как раз и указывает на существование серьезных препятствий для восходящей мобильности людей, оказавшихся не только внизу, но и на середине социальной лестницы.

Важным обстоятельством, ограничивающим восходящую мобильность в современном российском обществе, является дискретность сфер, где она в принципе может быть реализована. Прежде всего, данные официальной статистики указывают на существенные различия в социально-экономическом положении регионов России. Наши исследования (С-3) в свою очередь зафиксировали сильнейшие межрегиональные различия в уровне жизни, размерах текущих денежных доходов, объемах сбережений и уровне адаптированности населения. Анализ результатов исследования позволил выделить три группы регионов:

- с относительно низкими социально-экономическими показателями;
- с относительно устойчивым социально-экономическим положением;
- Москву, которая по уровню и образу жизни населения, возможностям заработка значительно превзошла прочие субъекты РФ.

Рассматривая субъективную оценку адаптированности как характеристику социальной идентификации, можно сделать вывод о межрегиональных различиях в этой области (см. табл. 5.17).

Таблица 5.17. Субъективная оценка адаптации по группам регионов

Варианты ответа на вопрос: «Удалось ли Вам приспособиться к новым условиям?»	Число респондентов (в %)		
	1 группа	2 группа	3 группа
безусловно, да	2,9	4,9	12,1
скорее, да	22,5	24,4	35,1
скорее, нет	36,8	34,5	26,2
безусловно, нет	37,8	36,2	26,2

Здесь видна прямая и тесная связь оценки адаптации с уровнем развития регионов, показывающая «продольную» дифференциацию возможностей социальной мобильности. О том, что существует и «поперечная» дифференциация, свидетельствуют данные таблицы 5.18, в которой приведены оценки адаптации жителей различных типов поселений.

Дифференциация по типам поселений подтверждает тенденцию распространения процессов модернизации от центра к периферии и соответствует большим возможностям социальной мобильности в областных и значительно меньшим - в районных центрах. Но помимо территориальной дифференциации существуют глубокие различия в этих возможностях между частным и государственным секторами экономики, а также внутрисекторальные различия, вы-

званные спецификой экономического положения отдельных предприятий. Все это свидетельствует об отсутствии универсальных механизмов социальной мобильности, что в сильной мере блокирует не только вертикальные, но и горизонтальные каналы социальных движений, ограничивая социальную динамику. Такая ситуация задается совокупностью происходящих в экономике и политике макропроцессов, которые накладывают специфический российский отпечаток и на механизм вертикальной мобильности в тех областях, где она реально происходит.

Таблица 5.18. Субъективная оценка адаптации по типам поселений

Варианты ответа на вопрос: «Удалось ли Вам приспособиться к новым условиям?»	Число респондентов (в %)		
	областные центры	районные центры	села
безусловно, да	7,6	5,2	4,8
скорее, да	32,3	24,8	28,1
скорее, нет	30,6	34,1	32,8
безусловно, нет	29,5	35,9	34,3

К факторам, существенно деформирующим экономическое пространство, следует отнести характерную для России конкурентную среду, где конкурентоспособность по-прежнему формируется не в процессе завоевания рынков сбыта, а в процессе распределения прав на распоряжение ресурсами. В этой ситуации финансовое положение российского производителя привычнее и легче обеспечивать не с помощью рыночного механизма, а сугубо нерыночным способом - когда рентабельность повышается за счет изменения не зависящих от производственного процесса внешних условий: налоговых льгот, государственных дотаций, взаимоотношений с администрацией и т.п. Неслучайно «хорошие связи» с местной администрацией рассматриваются в качестве одного из главных факторов инвестиционной привлекательности предприятий. Если при использовании рыночного механизма растет потребность в квалифицированных специалистах и работает «нормальный» механизм вертикальной мобильности модернизированного общества «образование - квалифи-

кация - статус - доход», то в ситуации, когда денежный доход образуется вне связи с функционированием производства и работающие персонализированные механизмы традиционного общества, тип вертикальной мобильности принципиально иной. О том, что действующий механизм вертикальной мобильности вполне осмыслен населением, свидетельствуют данные ответы респондентов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, в первую очередь помогает добиться успеха в наших условиях?»*

Наличие нужных связей	- 47,8%
Наличие первоначального капитала	- 42,4%
Трудолюбие	- 29,7%
Профессия, которая пользуется спросом	- 27,6%
Знания и опыт	- 20,0%
Молодость и энергия	- 19,7%
Умение идти на риск	-16,1%

* Сумма процентов превышает 100, т.к. респонденты могли дать несколько ответов на вопрос

Совершенно очевидно, что в общественном мнении сформировалось вполне определенное понимание законов вертикальной мобильности: путь вверх невозможен без нужных связей и денег, при том что деньги часто являются производной от связей. Трудолюбие и наличие профессии, пользующейся спросом, - это факторы второго уровня. Что же касается знаний и опыта, то их считают необходимым условием продвижения к успеху не более пятой части респондентов. Невостребованность квалифицированного персонала или востребованность его только при наличии нужных связей деформирует цепочку «квалификация - доходы - платежеспособный спрос плюс долгосрочные сбережения - частные инвестиции - расширенное воспроизводство», призванную обеспечить социальную динамику. Кроме того, запутанная и противоречивая правовая ситуация, несовершенство налоговой системы превращают практически любое предприятие в правонарушителя и вынуждают владельцев предприятий при найме работников обращать внимание не столько на их профессиональные и деловые качества, сколько на факторы, под-

тверждающие их безусловную «надежность». При этом доверие со стороны нанимателя и лояльность со стороны работника поддерживаются жесткими санкциями в виде «отлучения» от источников ресурсов или потери рабочего места. К тому же основная для российского частного бизнеса деятельность - торгово-посредническая - и не требует от основной части персонала каких-либо особых знаний и навыков. Таким образом, очевидно, что без институциональных изменений в экономике, декриминализации хотя бы ее основных сфер большинство специалистов имеет очень ограниченные возможности для восходящей мобильности без потери своего квалификационного потенциала.

Итак, можно сказать, что созданные в стране социально-экономические условия позволили сформироваться высшему слою и верхушке среднего слоя, дали импульс формированию среднего слоя, но не позволяют ему расширяться и обрести устойчивость. Потенциальное ядро среднего класса, которое, по нашим оценкам, включает примерно 15-20% населения, характеризуется хорошими адаптационными навыками, реализацией достаточно успешных стратегий социально-экономического поведения, определенностью статусных позиций. Все это, однако, еще не делает эту часть общества «классом в себе», поскольку, хотя и наличествуют важные предпосылки становления среднего класса, практически отсутствуют, во-первых, стереотипы массового социокультурного поведения, во-вторых, устойчивая самоидентификация, обеспеченная идеологической поддержкой, выступающей в виде признания особого достоинства, символической оплаты за издержки адаптационных усилий.

Сегодня тем более нельзя говорить о «классе для себя», поскольку средние слои не имеют серьезных ресурсов влияния на макропроцессы. Отсутствие значимых горизонтальных связей, поддержки авторитетных общественных организаций делает представителей данного слоя уязвимыми перед угрозой потери позиции, достигнутой в ходе адаптации. Не сложилось также и отчетливое понимание классовых интересов, связанных, например, с совершенствованием трудовых отношений в частном секторе. Навыки социальной самоорганизации были к началу реформ лишь в зачаточном состоянии, и потому горизонтальные связи, начавшие было складываться между людьми к концу советского периода, легко разрушались.

Действующая налоговая система, стимулирующая сокрытие доходов, также не способствует контролю над властью с позиций налогоплательщиков, а, напротив, выводит адаптирующуюся часть населения в сферу теневой экономики. Этому же способствует и расстройство судебной и арбитражной систем.

Все обозначенные противоречия свидетельствуют об отсутствии адекватного новым условиям механизма макросоциализации, который был бы способен поддерживать и подкреплять перспективные модели социального действия, нивелировать неэффективные и подавлять асоциальные модели социального поведения.

Сложившаяся адаптационная диспозиция относительно поддержки или оппозиции реформам (в активном или пассивном видах), определяющая перспективы реализации предпринимательской и трудовой активности, в решающей степени определяет социальные предпосылки экономического развития. Кризис адаптации: - провалы продуктивных моделей социально-экономической деятельности, основанных на профессионализме и квалификации, и, наоборот, успех полукриминальной деятельности - не только исключают социальную динамику, но и несут угрозу социальной стабильности. Невозможность для большинства населения реализовать свои социально-экономические притязания, повысить или хотя бы поддержать социальный статус будут блокировать продвижение по всем другим направлениям преобразований, создавать социальное напряжение, разрушающее согласие в обществе.

Сегодня можно констатировать отсутствие прочной базы для стабильного функционирования социальных институтов и перспектив социальной динамики. В развитых обществах такую базу представляет собой средний класс, социально-экономические интересы которого превращают его в источник поддержки социального порядка. Можно сказать, что препятствием, стоящим на пути формирования нового среднего класса в России являются кардинальные структурные сдвиги в российской экономике. Действительно, в ходе реформ практически исчезли высокооплачиваемые рабочие места на предприятиях ВПК, резко снизился уровень оплаты (по отношению к уровню цен) в бюджетных отраслях, изменились принципы социального рекрутирования на высокооплачиваемые должности в финансовой сфере и коммерции; оказались сломленными ранее жесткие ме-

ханизмы продвижения по статусной лестнице в верхних эшелонах государственной службы. Следствием этого стало разрушение механизма вертикальной мобильности, основанного на личных квалификационных достижениях и опыте. Эти перемены не были компенсированы мерами социальной и экономической политики.

Поэтому в настоящее время необходимо «разблокировать» механизмы социальной мобильности и обеспечить условия для продуктивной социальной динамики, обеспечивающей стабильность в обществе, нарушаемую сегодня глубокой социально-экономической дифференциацией. Это должно стать стержнем новой социальной политики.

Социальная динамика сегодня локализована преимущественно в тех социальных группах, которые своевременно восприняли предложенный «верхами» курс, обладают необходимыми стартовыми возможностями (социальным статусом, социальными связями, образованием и квалификацией) и соответствующей мотивацией. Но даже применительно к этим слоям вряд ли можно говорить о позитивной динамике. Во-первых, целый ряд социальных групп натолкнулся на препятствия, порожденные непродуманной экономической и социальной политикой, в силу чего их экономическая деятельность была прекращена, а сами они из активных и независимых социальных субъектов превратились в потенциальных реципиентов социальной помощи. Во-вторых, социальная динамика часто реализуется в криминальных формах, дестабилизирующих общество, причем сегодня отсутствуют эффективные правовые и экономические инструменты, которые стимулировали бы ее легитимный характер.

Социальная динамика на практике часто вступает в противоречие с социальной стабильностью. При этом высокая динамика социального развития создает не меньше проблем для социальной стабильности, чем социальный застой. Утрата социальных перспектив значительной частью населения при видимом успехе другой, малочисленной группы порождает социальную напряженность, на погашение которой должна быть направлена продуманная программа действий государства и его институтов.

Наличие групп с нисходящей вертикальной мобильностью (шахтеров, уволенных в запас военнослужащих, вынужденных переселенцев из ближнего зарубежья, работников предприятий ВПК и

т.д.), способно существенно дестабилизировать социальную ситуацию.

К факторам, препятствующим продуктивной социальной динамике, относятся:

- ограниченность ресурсов, которые могут быть использованы для удовлетворения требований соответствующих групп, вне зависимости от обоснованности их социальных притязаний;
- растущий «социальный эгоизм» хорошо адаптированных групп населения, снижение действенности апелляций к социальной солидарности, к учету бедственного положения других слоев общества, рассмотрение собственного положения скорее не как результата использования имеющегося комплекса ресурсов успешной адаптации, а только как результата реализации личных способностей;
- масштабная «криминализация» страны, использование значительной частью граждан нелегальных и полуполигальных способов решения своих социально-экономических проблем, превращение норм и санкций уголовного мира в привычные модели социально-экономической деятельности;
- разрушение социально-государственных механизмов поддержания социальной динамики, не допускающих перерастания локальных социально-экономических конфликтов в угрозу для социально-политической стабильности;
- ошибочная государственная социальная политика, приводящая к усилению социального неравенства и лишаящая государство роли «нейтрального», справедливого арбитра, заинтересованного в защите интересов каждой из общественных групп.

Совокупность всех этих факторов может оказать разрушающее воздействие на социальную стабильность. В этой связи общим требованием к социальной политике является, то, что она должна обеспечивать и поддерживать социальную активность населения, прежде всего, помогать реализации творческих устремлений и просто добросовестных трудовых усилий людей. Для этого необходим хозяйственный механизм, обеспечивающий спрос на широкий спектр профессий и видов деятельности. Пока же стремление урав-

новесить социальную динамику выливается в желание увеличить нагрузку на наиболее адаптированные слои. Однако «социальный капитал» богатых позволяет им уклониться от чрезмерных налоговых выплат, и основное бремя ложится на средние слои. Таким образом, вместо государственных усилий по совершенствованию налоговой системы и выравниваю структурных диспропорций проявляется тенденция взваливать все издержки по сбалансированию социальной динамики на активные социальные группы, те, что формируют новый средний класс.

Одним из главных условий становления позитивной социальной динамики является расширение пространства социальной мобильности. Здесь речь идет о создании экономической структуры, характеризующейся широким научно-техническим и технологическим многообразием, предложением значительного числа рабочих мест, требующих высокой профессиональной и квалификационной подготовки и обеспечивающих соответствующую оплату труда. Технологическая деградация и примитивизация производства, финансовые трудности, переживаемые производствами, сохранившими ориентацию на высокие технологии, существенно сузили рамки горизонтальной мобильности, прежде всего, для наиболее квалифицированной части трудоспособного населения. Поэтому необходимым условием для перелома сложившегося положения в области социальной мобильности является превращение отечественных высокотехнологичных отраслей в источник роста отечественной экономики.

Пространство социальной мобильности должно быть подкреплено сильными мотивационными механизмами, базирующимися на очевидных для большинства населения характеристиках социального успеха. Важнейшим обстоятельством, разрушающим «лестницу социальных достижений», является твердая убежденность его в том, что на верхние или даже средние ступеньки этой лестницы невозможно подняться, соблюдая действующие законы и общепринятые нормы морали.

Позитивная социальная динамика непосредственно связана с задачами социальной политики по созданию действенной системы норм и санкций, способной убедить людей в том, что эта система отвечает его нравственным представлениям и интересам. Это в свою очередь предполагает подавление открытых, демонстративных и, в

силу этого, наиболее деморализующих проявлений вертикальной мобильности, базирующихся на использовании преступных методов. Для решения этой задачи необходимо укрепить законодательство и правовые отношения, направленные на безусловное соблюдение всеми социальными субъектами некоторых универсальных правил и норм социально-экономической деятельности.

Кризисному характеру российской трансформации, несбалансированности взаимосвязей статусно-ролевых позиций и соотносимых с ними социальных идентичностей соответствует неустойчивый и неоформленный характер социального поведения. Это находит свое выражение, прежде всего, в доминировании адаптации над устойчивыми моделями поведения, которые присущи стабильно функционирующим обществам и оформляются в процессе социализации. В результате адаптация в настоящее время стала определяющей характеристикой социального поведения населения. Этот процесс подразумевает поиск форм действия, адекватных новой или меняющейся среде, постоянную переоценку старых моделей поведения. Поэтому он часто сопровождается проявлениями, которые в стабильном обществе могут рассматриваться как девиантные. Адаптация в современных условиях имеет тенденцию перерастать в хроническую форму, блокируя формирование устойчивых типов поведения, необходимых для общественного баланса. При этом личности, социальной группе приходится менять рисунок своего поведения значительно чаще, чем в стабильных условиях, поскольку дисфункциональность изменяющейся системы постоянно вынуждает подыскивать новый статус, переосмысливать связанную с ним роль и ролевую идентичность.

Таким образом, хотя адаптация населения как общая тенденция носит кризисно-дисфункциональный характер, в обществе имеется социальный слой, уже сформировавший специфические образцы социального поведения, обладающего устойчивостью, которую он стремится закрепить и легитимизировать. Создан жизненный стиль, чьи элементы активно репрезентируются в обществе. Однако следует учитывать два существенных момента: во-первых, относительную немногочисленность этого слоя (по нашим и другим оценкам, от 5 до 7% всего населения), а во-вторых, его замкнутость, ориентацию на социальное взаимодействие преимущественно в «своей» среде,

своеобразную кастовость, символами которой является «демонстративное потребление» (по Т. Веблену). Таким образом, реально можно говорить о высшем слое, имеющем все основные черты сформированной социальной страты: нормы и санкции, поддерживающие ее устойчивость, культурные символы взаимодействия, практически завершившийся процесс оформления групповой идентичности и связанный с ней образ жизни.

Ничего подобного нельзя сказать о среднем слое, для которого характерна значительно меньшая гармония отношений между типом идентичности и занимаемой статусной позицией. Можно выделить несколько причин, по которым формирование широкого среднего класса оказалось заблокированным. Прежде всего, это связано с механизмом приватизации, который способствовал созданию крупных, но не средних и мелких собственников, хотя именно эта цель была поставлена в качестве основной «архитекторами» приватизации. В первоначальном варианте идеологии либеральных реформ заключалось очень важное положение - создание широкого, массового слоя собственников (т.е. среднего класса), могущих стать социальной опорой модернизированной на основе рыночных и демократических принципов России. К настоящему времени говорить о решении этой задачи не представляется возможным. Это связано не только с несовершенством законодательства в данной сфере и политики, ориентированной объективно на интересы преимущественно верхней страты общества, но и не в последнюю очередь - с наличием определенной социально-культурной традиции, делающей невозможным создание «среднего класса» в том виде, как он сложился и идентифицируется в Америке и Европе. Тенденции, блокирующие процесс формирования среднего класса в современной России, в перспективе могут привести к хронической аномии и воспроизводству структурной нестабильности из-за дисбаланса межстратных отношений.

Неизбежен вопрос об условиях, способствующих формированию среднего класса в России. Оформление социального субъекта возможно при наличии непротиворечивого и взаимодополняющего действия внутренних и внешних факторов. К числу первых можно отнести развитие автономной активности, выкристаллизовывание социальных интересов, групповой идентичности, культурно детерминированной системы ценностей, норм и санкций, а к числу

внешних - стабилизацию социально-экономических и политических институтов и способность общества к воспроизводству этой стабильности, под которой следует понимать не консервацию существующего порядка, а предсказуемость и открытость действий власти.